

Г.А. Жанкадамова , Б.Ж. Атантаева* , Р.Д. Ахметова

Университет имени Шакарима, Казахстан, г. Семей

*e-mail: batantaeva@mail.ru

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ

В исследовании анализируется политика советского государства по проведению массовой депортации в Казахстан на основе принадлежности людей к определенной этнической группе. Целью представленной статьи является изучение насильственного переселения отдельных народов на территорию Восточного Казахстана с использованием устной истории как метода и источника исторического исследования. Основными источниками статьи являются материалы полевых исследований на территории Восточного Казахстана. Ценность собранных полевых материалов определяется введением в науку нового фактического материала источников личного происхождения. Отмечается, что полевые материалы, собранные в ходе интервью с информантами, позволяют дополнить и конкретизировать события отечественной истории XX века.

На основе официальных документов, архивных источников, материалов устной истории рассматриваются численность и расселение спецпереселенцев, ход, масштабы и последствия депортации, адаптация и выживание спецпереселенцев через призму индивидуальной и коллективной памяти. На основе анализа данных отмечено, что воспоминания очевидцев депортации и их потомков можно рассматривать как одну из форм трансляции коллективной памяти. Авторами делается вывод, что обращение к исторической памяти очевидцев принудительных переселений и их потомков позволяет выявить особенности политических, демографических, этнических процессов на территории исследуемого региона.

Ключевые слова: депортация, этносы, немцы, чеченцы, историческая память, спецпереселенцы.

G.A. Zhankadamova, B.Zh. Atantayeva*, R.D. Akhmetova

Shakarim University, Kazakhstan, Semey

*e-mail: batantaeva@mail.ru

Deportation processes in East Kazakhstan in the context of oral history

This article discusses the Soviet state's policy of conducting mass deportations to Kazakhstan based on people's ethnic background. The aim of the presented article is to study the forced resettlement of specific peoples to the territory of Eastern Kazakhstan, using oral history as a method and source of historical research. The primary sources of the article are field research materials conducted in the Eastern Kazakhstan region. The value of the collected field materials is determined by introducing new factual material of personal origin into the field of science. It is noted that the field materials gathered through interviews with informants allow for supplementing and specifying the events of the domestic history of the 20th century.

Based on official documents, archival sources, and oral history materials, this study examines the population and resettlement of special settlers, the course, scale, and consequences of deportation, as well as the adaptation and survival of these special settlers through the lens of individual and collective memory. Through the analysis of the data, it is noted that the recollections of deportation witnesses and their descendants can be regarded as one of the forms of transmitting collective memory. The authors conclude that referencing the historical memory of witnesses of forced migrations and their descendants allows for identifying the peculiarities of political, demographic, and ethnic processes within the studied region.

Key words: deportation, ethnic groups, Germans, Chechens, historical memory, special settlers.

Г.А. Жанкадамова, Б.Ж. Атантаева*, Р.Д. Ахметова

Шәкәрім атындағы университет, Қазақстан, Семей қ.

* e-mail: batantaeva@mail.ru

Ауызша тарих контекстіндегі Шығыс Қазақстандағы депортация процестері

Мақалада Кеңес мемлекетінің халықтардың ұлттық ерекшелігіне қарай Қазақстанға жаппай жер аудару саясаты талданады. Ұсынылған мақаланың мақсаты – ауызша тарихты тарихи зерттеудің әдісі мен дерек көзі ретінде қолдана отырып, жекелеген халықтардың Шығыс Қазақстан аумағына күштеп қоныс аударуын зерттеу. Мақаланың негізгі дереккөзі – Шығыс Қазақстан аумағындағы далалық зерттеу материалдары.

Жинақталған далалық материалдардың басты құндылығы – ғылыми айналымға жаңа фактілік материалдарды енгізілуінде. Ақпарат берушілермен сұхбат барысында жиналған деректер отандық тарихтағы XX ғасыр оқиғаларын толықтырып, нақтылауға мүмкіндік береді. Ресми құжаттар, мұрағаттық дереккөздер, ауызша тарих материалдары негізінде қоныстанушылардың саны мен қоныстануы, жер аударудың барысы, ауқымы мен салдары, қоныстанушылардың бейімделуі және өмір сүруі жеке және ұжымдық жады призмасы арқылы қарастырылады. Деректерді талдау негізінде жер аударылу куәгерлері мен олардың ұрпақтарының естеліктерін ұжымдық есте сақтаудың бір түрі ретінде қарастыруға болады. Авторлар күштеп қоныс аударудың куәгерлері мен олардың ұрпақтарының естеліктерін негізге алу – зерттеліп отырған аймақ аумағындағы саяси, демографиялық, этникалық процестердің ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді деген қорытындыға келеді.

Түйін сөздер: депортация, этностар, немістер, шешендер, тарихи жады, арнайы қоныс аударушылар.

Введение

Историческая память является важнейшей составляющей исторического сознания любого народа. Со времени депортаций прошло много времени, и сегодня в живых осталось очень мало людей, которые помнят те страшные события. Изучение воспоминаний свидетелей тех далеких событий, а также представлений об этих событиях потомков депортированных, позволяет внести вклад в исследование этнических депортаций. Историческая память о депортации для самих депортированных связана с трагическими страницами их жизни, и они с нежеланием вспоминают эти годы. Напротив, потомки депортированных стараются сохранить воспоминания их родителей и родственников для будущих поколений.

В самых трагических событиях в контексте исторической памяти можно найти и объединяющие факторы, несущие в себе созидание, гуманизм, единство. И это, прежде всего, роль казахского народа, протянувшего руку помощи всем народам, которые волею судьбы оказались в Казахстане в XX веке. Сохранилось немало воспоминаний депортированных и их потомков о том, как казахи делились хлебом и другими продуктами со спецпереселенцами, как оказывали помощь с жильем и решением самых различных бытовых вопросов.

Материалы и методы

История депортации – это сложный процесс, который следует изучать на основе широкого спектра источников: официальные документы, архивные материалы, источники личного происхождения и др. В данной статье в качестве источниковой базы приведены источники официального происхождения, среди которых можно назвать нормативно-правовые акты советского государства, архивные документы из фондов Центра документации новейшей истории г. Семей (ЦДНИ). В статье также используется материал, собранный во время полевых экспедиций в процессе интервьюирования потомков насильственно переселенных, а также анализируются опубликованные в разные годы в научных изданиях воспоминания самих депортированных.

В качестве основной теоретической и методологической базы в рамках статьи используются устная история, социальная история, микроистория, история повседневной жизни. Методологическая база исследования включает в себя мемориальные аспекты депортации. С целью анализа передачи памяти о депортированных народах, оценки влияния депортации на культурную составляющую народов использованы методы исследования культурной памяти и мемориальной политики.

Обсуждение

Проблеме насильственного переселения целых народов посвящено большое количество исследований. Одними из первых зарубежных исследователей, на примере отдельных депортированных этносов предпринявшими попытку показать этапы депортации, обустройство в местах расселения, адаптацию, а также процесс реабилитации, являются Р. Конквест (Conquest, 1972) и А. Некрич (Некрич, 1978).

Советские историки в силу идеологических причин проблему депортации практически не рассматривали, либо упоминали об этом мельком. С начала 1990-х гг. появляются первые исследования, посвященные комплексному изучению проблемы. Исследователи Н.Ф. Бугай (Бугай, 1995), В.Н. Земсков (Земсков, 2003) старались определить причины и условия реализации переселений, регионы, куда население было направлено, рассмотреть действия центральной и местной власти по приему и размещению переселенцев. Особенности депортационной политики в Советском Союзе, а также степень изученности данной проблемы в зарубежной и российской исторической науке показаны в статье Полян П. «Депортации и этничность» (Полян, 2022).

Авторы сборника документов «Сталинские депортации. 1928-1953» (Сталинские депортации, 2005) рассматривают депортационную политику в СССР в контексте внутренней и внешней политики советского государства, выделяют предвоенный этап этнической депортации, депортации в период Великой Отечественной войны, а также депортационные кампании послевоенного периода.

Процессы депортации и размещения народов, вынужденных переселиться на казахстанские земли, на основе документальных источников раскрыты в сборнике «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» (Депортированные в Казахстан, 1998).

Документы и воспоминания о насильственном выселении в Казахстан многочисленных народов, их устройстве на новых территориях представлены в сборнике «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.» (Из истории депортаций, 2019).

В труде «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстан) через судьбы людей показана депор-

тационная политика советского государства (Депортация народов, 2013).

Ранее засекреченные документы впервые введены в научный оборот в монографии Жанбосиновой А.С. «Прошу снять с меня незаслуженное клеймо 58-й статьи», в которой рассказывается о судьбах репрессированных в Советском Союзе через призму документов личного происхождения (Жанбосинова, 2020).

История повседневности, проблемы адаптации в разных аспектах рассматриваются исследователями Щегловой Т.К. (Щеглова, 2019), Атантаевой Б.Ж., Камалджановой Т.А. (Атантаева, 2020), Тетуевым А.И. (Тетуев, 2012), Казбековой А.Т. (Казбекова, 2016).

Что касается непосредственно исторической памяти, стоит отметить, что в зарубежной историографии выделилось целое направление по ее изучению. Обширные исследования в области изучения теории исторической памяти проводят такие ученые как П. Рикёр (Ricoeur, 2004), А. Ассман (Assmann, 2014). П. Рикёр выделяет в своей концепции тесную связь истории с миром повседневности человека. Задачей памяти при этом является адекватное представление полученного опыта через нарратив, а главное предназначение истории – критическое осмысление данного опыта.

Л.П. Репина рассматривает историческую память не только как один из важнейших трансляторов опыта и информации о прошлом, но также и как важнейший элемент самоидентификации человека, группы и в целом всего общества; говоря о взаимодействии истории и исторической памяти, выделяет роль сохранившихся образов в памяти очевидцев событий, которые затем передаются последующим поколениям (Репина, 2003: 10). В исследовании Стефаненко Т.Г., Тумгоевой Т.А., Котовой М.В. (Стефаненко, 2017) рассматривается роль культурной памяти как связующего звена между прошлым, настоящим и будущим этно-социальной группы для обеспечения преемственности идентичности. Среди казахстанских исследователей понятие исторической памяти были изучены Ананьевой С.В. «Историческая память как ведущий концепт современной литературы» (Ананьева, 2016); Асановой С.А. «Исторический нарратив как источник формирования идентичности в современном Казахстане» (Асанова, 2016).

Обзор научной литературы по теме исследования показывает, что проблема депортации народов в контексте изучения исторической па-

мяти, на основе материалов устной истории актуальна и на современном этапе.

Результаты

В результате насильственной депортации в восточном регионе Казахстана оказались советские немцы из Поволжья и других регионов европейской части СССР, чеченцы и ингуши с Северного Кавказа.

Одним из этносов, наиболее всего пострадавшим в период насильственной депортации, является немецкий этнос. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года, прямо обвиняет население немецкой автономии в шпионаже и пособничестве фашистской Германии: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского народа и Советской власти. В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии, то советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население Поволжья в другие части страны» (Сталинские депортации 2005: 299).

По сведениям, указанным авторами сборника документов «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.», депортированные немцы были размещены «в 12 областях республики. Наибольшее количество было расселено в Акмолинской обл. – свыше 70 000, Северо-Казахстанской и Павлодарской областях – более чем по 50 000 в каждой. Немцы из Азербайджана попали в основном в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Северо- и Восточно-Казахстанские области; из Грузии – в Джамбулскую, Алма-Атинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Южно-Казахстанскую области; из Армении все были направлены в Павлодарскую обл.; из Москвы и Московской обл. – в Карагандинскую и Кызыл-Ординскую области; в Казахстане же была расселена и основная масса немцев Северного Кавказа (Из истории депортаций 2019: 28).

27 августа была издана специальная инструкция НКВД по проведению переселения немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. Согласно данной Инструкции, переселению подлежали все лица немецкой национальности, производить переселение предполагалось целыми районами или колхозами, запрещалось собираться для коллективного обсуждения вопросов переселения. С собой разрешалось брать имущество, за исключением громоздких вещей, общим весом не более одной тонны на семью. На каждый эшелон назначались начальник, заместитель и бойцы конвойных войск. Переселяемые должны были быть предупреждены о том, что им необходимо брать с собой продовольственный запас на месяц. Горячее питание должно было быть организовано регулярно в специальных пунктах один раз в сутки, кипятком, согласно Инструкции, могли выдавать два раза в день. Среди лиц, сопровождающих эшелоны, должны числиться врачи и медсестры, обеспеченные медикаментами и необходимым инструментарием (Сталинские депортации 2005: 295, 298). Воспоминания очевидцев событий, приведенные в статье, свидетельствуют о том, что Инструкция чаще всего не соблюдалась. Людей перевозили в товарных вагонах, пищу чаще всего приходилось готовить самостоятельно во время непродолжительных остановок поезда, условия для гигиенических процедур отсутствовали.

Депортация чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан началась 23 февраля 1944 года. Нарком НКВД Л.П. Берия в телеграмме от 23.02.1944 г. на имя И.В. Сталина докладывает, что «на 11 часов утра вывезено из населенных пунктов 94 741 человек, т.е. свыше 20% подлежащих выселению, погружено в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 023 человека», «на утро 24.П. вывезено из населенных пунктов 333 739 человек, погружено в железнодорожные эшелоны 176 950 человек», «к вечеру 25 февраля погружено в железнодорожные эшелоны 342 647 человек», «по 29 февраля выселено и погружено в железнодорожные вагоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. Из некоторых пунктов высокогорного Галанчожского района остались невывезенными 6 тысяч чеченцев, в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будет закончена в 2 дня» (Сталинские депортации, 2005: 452, 453, 455).

В период массовых репрессий 1930-х годов в отношении отдельных людей широко применял-

ся термин «враг народа», а в годы тотальной депортации это словосочетание стало применяться к целым народам. Отношение государства к депортированным характеризует следующая фраза представителя власти: «Немцы народ ненадежный, и поэтому насчет работы (*трудоустройства немцев-руководителей – авт.*) разговора быть не может, кроме физической работы в колхозе» (Сталинские депортации 2005: 14). Архивные документы свидетельствуют, что во время проверки состояния бытового устройства спецпереселенцев-чеченцев, расселенных в колхозе «Начало» Бородулихинского района Семипалатинской области выявлено 19 случаев смерти, из них умерших от истощения – 13 человек, а остальные – от разных заболеваний. Однако комиссия ставит под сомнение диагнозы умерших, так как «медсестра по национальности полька, а муж – немец, следовательно, отнестись с полным доверием к ее диагнозам нельзя» (ЦДНИ. Ф.807. Оп.1. Д.20. Л.42). Историческая память различных этнических, социальных и конфессиональных групп является важным моментом для изучения особенностей процессов периода депортации. События насильственного переселения, адаптации и выживания спецпереселенцев в Казахстане можно проследить через воспоминания самих депортированных и их потомков.

Надежда Валентиновна Зигле, жительница с. Борас, Бескарагайского района, вспоминает о трагедии депортации немецкого населения по рассказам своих родных. В сентябре 1941 года, после принятия Указа о депортации немцев в Казахстан её родители Валентин Оттович и Оттилия Эммануиловна Зигле были выселены из Баку (Азербайджан) в Жарминский район Семипалатинской области. Ее дед Отто Готлибович Зигле был расстрелян, отца отправили в трудовую армию на Северный Урал, работать на шахтах Соликамска, бабушка строила нефтепровод в Куйбышеве (современная Самара). Когда отец возвращался из трудовой армии, он был истощен до последней степени дистрофии. Добрался он до станции Жангизтобе, а к месту ссылки было ещё около 50 км, и надо идти пешком. На помощь пришли казахи, которые без слов пустили его к себе переночевать, накормили, и отвезли его к месту назначения. Он вспоминал об этом всю свою жизнь с благодарностью. Дома боялись говорить на родном языке, опасаясь, что история может повториться, и опять начнутся преследования и гонения. Но всё же уважение к немецким обычаям и языку как могла, прививала бабушка:

учила молиться, готовить национальные блюда, вышивать, вязать и многому другому» (Полевые материалы. Информант Зигле Н.В.).

Ольга Романовна Бедер, жительница города Семей. «Одной из самых трагичных страниц истории советского времени была депортация народов, которая не обошла стороной и моих родных. Мои отец и мать Бедер Рейнгольд Яковлевич и Бедер Екатерина Тихоновна – ровесники Великой Отечественной войны, и, поэтому они сполна хлебнули все тяготы, которые пережили люди в это трудное время. Они родились в 1941 году. Отец – на Украине, в Донецкой области, мама – на западе Украины, в Карпатах, Черновицкой области. Они оба были представителями тех национальностей, которых, благодаря нападению фашистской Германии, ненавидели на тот момент больше всего. Он – немец, она – румынка. Именно поэтому их постигла одна и та же участь – вместе с семьями в 24 часа, не дав взять даже самого необходимого, их сорвали с насиженных мест и увезли в далекий Казахстан. Это был очень трудный путь, и его завершение тоже не было радостным. Обе семьи больше никогда не увидели своих кормильцев. В архиве семьи до сих пор хранится пожелтевшая открытка, на которой простым карандашом написано последнее письмо Бедер Якова из трудовой армии, оно начинается словами, в которых сквозит немецкий акцент «Дорогая шена...». Семья Бедер при выселении попала в Жарминский район и, после нескольких переездов по селам, обосновалась в Саратовке. Две женщины – моя бабушка Сабина и сестра моего дедушки – София, которые привыкли вести размеренное домашнее хозяйство, остались с четырьмя детьми на руках – без материальных средств, оторванные от привычных условий существования, без родственников. Не все дети выдержали такое испытание – в селе Терентьевка осталась маленькая могилка, там была похоронена одна из дочерей, Эрна. Но жизнь продолжалась... бабушка Сабина стала работать в колхозе имени Ленина дояркой и поднимать детей на ноги. Дети тоже очень рано начали свой трудовой путь – еще мальчишками. Мой отец Роман (так стали называть его в селе вместо трудного имени Рейнгольд) и его старший брат Валентин с малых лет зарабатывали трудовни в колхозе, выполняя самую разную работу. Окончив основную школу и училище механизаторов, стали работать в Саратовке, с молодых лет были уважаемыми людьми на селе.

Семья мамы попала в Актюбинск. Глава семьи – Митрик Яким был отправлен в трудовую армию, в Астрахань. После разлуки единственной памятью от мужа остался широкий кожаный пояс и шапка, которую с оказией передали семье со словами – «... большой румын умер...». Как вспоминали старшие братья мамы Тодор и Дмитрий, жили они в землянке, которая больше была похожа на яму. Есть было нечего. Мать не вынесла смерти мужа, своей матери, двух детей. После её смерти, это был 1944 год, из многолетней семьи моей мамы остались в живых только два ее старших брата, она и сестра. Старшие братья, в надежде найти что-нибудь на пропитание, скитались по деревням. Они были уже на грани жизни и смерти от голода, когда их на дороге подобрал какой-то мужчина и привез в детский дом Петропавловска. Так они и выжили. Девочки были маленькими. Поэтому сестра мамы – Доминика – сразу попала в детский дом и следы её затерялись. До сих пор о ней ничего не известно. Мама была самой младшей и, наверное, поэтому её удочерили, изменив при этом имя, отчество и фамилию. Усыновители – семья Чуркиных. Когда-то они тоже были раскулачены и высланы в Актюбинск. В семье главенствовала жесткая и волевая мать. Даже решение усыновить ребенка из репрессированной семьи возникло из-за того, что в этом случае «глава» семьи – Тихон Чуркин – был освобожден от трудовой повинности. О том, что она – усыновленная, мама не знала. Догадывалась, когда в минуты гнева приемная мать показывала ей старенькую вышитую рубашку и с упреком говорила: «Вот, в чем ты была!...» Мама часто рассказывает, как из ее глубокого детства выплывают туманные воспоминания: «... соседка, взрослая женщина, тайно приводила меня в какой-то дом, где на лавке сидели незнакомые люди – это были мои дяди и тети, которым не разрешали видеться со мной...». В 1946 году появилась возможность вернуться на родину, в Красноильск, на Карпаты. Старшие родственники мамы нашли её братьев и увезли с собой. В 1954 году они попытались найти своих сестер, написали письмо, в котором рассказали бабушке о себе, но приемная мать не отдала ей это письмо. Через несколько лет они снова написали ей, и вот, уже будучи взрослой, она узнала, что на самом деле ее зовут не Екатерина, а Октавия и фамилия ее Митрик (Полевые материалы. Информант Бедер О.Р.).

Асель И., жительница г. Семей: «Прежде чем рассказать историю семьи моей бабушки, депор-

тированной из Запорожской области Украины, хотелось поведать немного предыстории. Родители моей бабушки: отец – Гааг Эмануил (Емельян) Георгиевич (Егорович), 23.05.1908 года рождения, и мать Гааг (Гайер) Мария Ивановна, 17.07.1913, года рождения родились и проживали в селе Александрфельд, Самовольного сельского совета, Озинского района, Саратовской области.

02 февраля 1931 года зарегистрировав брак, молодая семья Гааг, минуя репрессии тех лет и в поисках лучшей жизни, в мае 1931 года переезжают к родственникам на Украину: Запорожская область, Новониколаевский район, Листовский сельский совет, село № 11. Мария и Эмануил стали жить у родственников и работать в колхозе. Здесь у молодой семьи рождаются дети – Роза (моя бабушка), 01.04.1932 года рождения, Валерия, 23.11.1936 года рождения, Анна, 18.03.1939 года рождения, Елизавета, 31.05.1941 года рождения. В 1935 году семья построила себе небольшой дом, приобрела корову, поросенка, кур и уток. Прадед работал в колхозе конюхом, затем помощником комбайнера (штурвальным), позже комбайнером, а прабабушка няней в детском саду, а также помогала на поле, занималась прополкой кукурузы и подсолнечника.

03 сентября 1941 года всех мужчин собрали военкомат. Наш прадед Гааг Эмануил быстро, попросившись с семьей, думая, что это ненадолго прибыл в райцентр. По воспоминаниям Гааг Эмануила: «Попрошавшись из дома в 4 утра. Мы поздно вечером прибыли в военкомат. Свет зажигать было уже нельзя. Рядом была линия фронта. В эту ночь из разных деревень прибыло около 300 мужчин. Нас по одному в полной тишине вызывали в кабинет, где мы сдавали военный билет. Утром в сопровождении вооруженных солдат, примерно 35 человек, нас отправили пешком от линии фронта в тыл. Шли 12 дней. Не дойдя до Харькова, город весь горел после бомбардировки, к нам присоединились еще несколько групп по 300 человек. Нас стало теперь около 3000 человек. И в одну из тихих ночей нас поместили в товарные вагоны поезда и отправили по направлению в Казахстан. 07 октября 1941 года наш эшелон остановился в чистой ковыльной степи Актюбинской области. Утром нас выгрузили, встретили люди из НКВД и получили нас под роспись. Нас распределили на группы. Одни стали копать траншеи для постройки барака на зиму, другие копать траншеи для трубопровода 12 километров, третьи копать

открытый карьер для добычи никелевой руды для фронта. На работе нас охраняли днем и ночью солдаты с автоматами. Свою деятельность трудармия прекращает окончательно в январемарте 1946 г. После чего нам дали лист бумаги с анкетными данными и распиской, что мы 20 лет не имеем право вернуться на свое прежнее местожительство, где проживали до войны. Кто уедет на Украину, тот будет наказан на 20 лет тюрьмы, без суда.

В сентябре 1941 года, оставшись одна с 4 детьми на руках (младшему ребенку всего лишь 5 месяцев), моя прабабушка – Гааг Мария вспоминает: «Война бушевала уже совсем рядом, слышны были взрывы бомб, грохот орудий, фронт приближался всё ближе к нашему селу. 05 октября 1941 года, без предупреждения к нам приехали вооруженные солдаты на подводах, собрали всех женщин и детей, посадили на телеги и привезли ночью на железнодорожный вокзал. Погрузили всех в открытые вагоны. Выпал уже снег, было очень холодно, дети плакали. Вся наша собственность осталась дома (корова, свинья, куры, утки, 5 ц зерна пшеницы, заработанные мужем Гааг Э.) И теперь нас ждал долгий путь в Казахстан. По дороге останавливались очень редко, только там, где было более или менее тихо. Рядом шла настоящая война». По воспоминаниям моей бабушки – Гааг Розы, старшей дочери Гааг Марии (9 лет): «Был случай, когда в дороге я сильно испугалась. На одной из остановок мама вышла за водой для младших сестер и не вернулась. Я осталась одна с тремя сестричками: Валерия 5 лет, Анна 2 года и Лиза 5 месяцев. Лиза сильно плакала. Помогали рядом люди, чем могли. Я думала, что мы все умрем, не доедем никуда. Только через неделю к нам присоединилась мама. Она чуть не отстала от поезда в поисках питьевой воды, успела сесть в последний вагон и неделю добиралась до нашего вагона. Переходить можно было только на остановках, которые были не так часто».

В воспоминаниях прабабушки Гааг Марии: «3 ноября 1941 года мы прибыли на станцию Чарск Семипалатинской области. Далее на санях, запряженных верблюдами, нас привезли в село Жанааул и стали размещать по домам у местных жителей. Теперь стало жить еще труднее. Ни хлеба, ни одежды, ничего. Продукты стали получать от колхоза: несколько килограммов просо и ячменя, муки и хлеба не было. Я пошла работать дояркой, чтобы получать молоко для детей. Итак, началась наша трудная жизнь

холодной зимой и жарким летом. В то время все жили плохо, а мы хуже всех. Местные жители относились к нам сочувствием, особенно пожилые. Давали нам продукты, если была возможность – кумыс, творог. Очень быстро мы выучили казахский язык. Мои младшие девочки играли с местными детьми, они не знали немецкого и русского языка. Позже все пошли учиться в казахские школы. Во время войны всем было трудно, но совместными усилиями выжили. С 1941 года по 1956 год мы должны были ходить каждый месяц в комендатуру – отмечаться, за 20 км в другое село пешком».

По воспоминаниям моей бабушки Гааг Розы: «Мне, старшей дочери, было 9 лет, когда мы прибыли в Казахстан. Помню к нам в школу пришел мужчина и, показав пальцем – «ты, ты и ты уже большие, будете работать, и помогать колхозу». Так я бросила учебу и стала помогать маме и заботиться о младших сестрах. Очень хорошо помню случай, когда меня определили держать плуг, закрепленный к комбайну. Но его так сильно дёргало, что я, не удержавшись, упала, и меня потащило за плугом по земле, хорошо увидели взрослые и остановили комбайн. Я осталась жива, но повредила все зубы». Также бабушка всегда рассказывала, как им трудно было тогда, суровые зимы, холод и голод преследовали их. Такие дети, как и она, ходили по колхозным полям после уборки урожая и собирали, упавшие колосья пшеницы, затем на печах жарили зерна и ели. Ели, как она говорила всё, что бегало и летало: куропаток, тушканчиков, жаря их на костре. Казахстан действительно стал для нее второй родиной. Выучив казахский язык и выйдя замуж за казаха, она не только пела песни, но и знала быт, обычаи и традиции, фольклор казахского народа. Они с дедом были уважаемыми гостями и запевалями всех свадеб.

Семья Гааг Эмануил и Мария после снятия комендатуры в 1978 году переезжает в г. Джамбул (ныне Тараз), оттуда в 1990 году переезжают на ПМЖ в Германию г. Дюрен. Там они и захоронены. Моя бабушка Гааг Роза до 2001 года проживала в г. Чарск, затем также переехала в Германию. Но в 2004 году вернулась в Казахстан в г. Семей (Полевые материалы. Информант Асель И.).

По воспоминаниям А-К.А. Хажалиева, родные которого были депортированы из с. Гехи Урусмартанского р-на Чечено-Ингушской АССР, «в село раненых солдат привозили, особенно много солдат было в канун 23 февраля,

говорили, что специально из-за праздника, ждали парад. Оказывается, с 22 на 23 февраля был приказ о депортации. В 5 часов утра, когда все мирно спали, энкавэдэшники будили людей штыками: кто чуть-чуть зазевался, кто больной в постели, тех тут же расстреливали. В этом селе мечеть была, там закрыли мужскую часть населения (хотя мужчин особо не было, в основном – старики и подростки), а женщин с детьми – в другом месте. В домах стали оружие искать. Целый день держали людей взаперти, вечером голодных повезли на вокзал, не разрешив толком ничего взять с собой, на сборы было дано 20 минут. Даже не предупредили, что можно было запастись мукой или другими съестными припасами. Некоторые так, как их из дома выгнали налегке, отправились в дальнее странствие без зимней одежды. Мне рассказывали, что дети пухли от голода, девушки из-за этикета, стесняясь мужчин, в вагонах терпели малую нужду, из-за чего мочевые пузыри лопались. Две недели в пути: дорога страшная была – дорога смерти. Много народа умерло, хоронить не разрешали, просто трупы выкидывали из вагонов и дальше ехали, иногда умерших удавалось снегом засыпать. Некоторые пытались трупы спрятать, хотели по-человечески закопать. Но конвоиры не разрешали, боясь эпидемии. Приехали в Казахстан в Семипалатинскую обл. на ст. Жана-Семей. Там поселились в бараках, позже дали землю, построили небольшой домик. Дедушка и его братья с семьями года два жили в этой низкой хибарке из трех комнат. Потом сумели взять рядом землю, удачно получилось. Мы квартал взяли и дома построили по углам, был общий двор... Спецпереселенцам нельзя было из одного района в другой переезжать, поймают, сразу срок давали от 10 до 25 лет. Начиная с 12-летнего возраста надо было вставать на регистрацию в НКВД. Энкавэдэшники сами ходили по домам, проверяли, все ли на месте, каждого по лицу пересчитывали. Откровенно сказать, большинство местного населения в Семипалатинске составляли немцы, казахи и русские. Они помогали нашим, несмотря на то, что заблаговременно были оповещены о людоедстве чеченцев. Я сам депортацию знаю только по рассказам родных и близких, словами не передать, жестокие, страшные времена, издевательства были, человека за человека не считали. Помню, когда пошел в первый класс, чуть какая-то драка, мне сразу говорили – изменник-фашист (Из истории депортаций, 2019: 559).

Память о депортации чеченского населения в Восточный Казахстан зафиксирована также в интервью депортированных чеченцев, жителей Восточного Казахстана, опубликованных исследователем Казбековой А.Т. По воспоминаниям Дацаева Салаудина, которому на момент депортации было 5 лет, его семью привезли в Усть-Каменогорск, выселили в горах, где не было никакого жилища, и его отец построил каменный балаган. В детской памяти сохранились голод, страдание, сильные морозы. Не было еды, в пищу употребляли разную траву. Воспоминания Айсаговой Л.Л. основаны на рассказах матери, которая говорила о бытовой неустроенности в бараках без окон и дверей. Чтобы хоть как-то выжить, ходили, собирали мерзлую картошку и делали из нее лепешки, ели крапиву и разную траву. Сельмурзаев А.И.: история депортации известна со слов своего деда, который 15-летним подростком вместе со своей семьей был выселен в Казахстан, поселили их в бараках, чтобы прокормиться, ели гнилой картофель, а зимой с полей выкапывали мороженую картошку. Из-за отсутствия теплой одежды и обуви не могли никуда выйти. Из-за тифа стали умирать люди, но не было возможности их хоронить сразу, поэтому покойников закапывали в снег, а весной уже хоронили, как полагаются» (Казбекова, 2016: 59).

Многочисленные свидетельства информантов позволяют утверждать, что не только физические страдания, но также и чувство несправедливости в условиях депортации тяжело переносилось спецпереселенцами. Бедственное положение депортированных в первые годы пребывания в Казахстане усугублялось тем, что многие местные жители в силу насаждаемых пропагандой стереотипов были искренне убеждены, что спецпереселенцы являются изменниками родины, например, немцев автоматически причисляли к «фашистам», считали, что и относиться к ним нужно соответственно. Кайель Василий Петрович, житель с. Борас: «Мне всегда было обидно, что меня обзывали фашистом, потому что в то время, если немец по национальности, то обязательно фашист» (Полевые материалы. Информант Кайель В.П.). Тем не менее, несмотря на тяготы, немецкое население продемонстрировало высокий уровень приспособляемости к новым условиям, заслужило уважение местного населения своим трудолюбием и бесконфликтностью. Об этом говорит Зигле Н.В.: «Немецкий народ это всегда трудолюбивый народ, и они пригодились в Казахстане. Немцы сразу вклю-

чились, и в колхозах, и в совхозах пригодилась рабочая сила, только в Бескарагайский район, когда вышел указ Сталина выслать всех немцев, все национальности сослать кого куда, кого-то в Сибирь, кого-то на Алтай, кого-то в Казахстан. Но большинство в Казахстан. Только в Бескарагайский район прибыло 800 с лишним семей немцев. Благодаря казахскому народу, который принял на себя такую тяжесть, трудоустроили, смогли расселить этих людей, дать какую-то работу, поделиться куском хлеба, вот это было незабываемо. И многие благодарны Казахстану» (Полевые материалы. Информант Зигле Н.В.).

В любом обществе важную идентификационную роль играет имя. С помощью него окружающие получают определенную информацию о конкретном человеке. Эта персональная проблема отражает существовавшую в то время проблему идентичности с точки зрения этнической принадлежности. Кайель В.П.: «Я родился 3 июня 1947 года, при рождении меня назвали Вильгельмом. Но когда мой старший брат пошел записывать меня в сельском совете в амбарную книгу, как раньше говорили, там посмотрели, ну что это, не по-русски получается. Ну, они решили: все Вильгельмы давайте будут Василиями. Вот так меня Василием Петровичем записали в метрике, в свидетельстве о рождении. Когда мама меня родила, имя мне дала бабушка, ну а все родственники подхватили, что Вильгельм. Меня дома так и звали – Вилли. А в детском саду, в школе – там меня уже называли Вася» (Полевые материалы. Информант Кайель В.П.)

Еще одной трагедией депортированных стало намеренное разобщение целых семей. В архивных документах ЦДНИ сохранилось заявление Рехт Эммы Рейнриховны, проживающей в колхозе имени «Пушкина» Чарского района Семипалатинской области, с просьбой к управлению НКВД оказать ей помощь в розыске мужа Рехт Отто Иванович (адрес проживания Запорожская область, Ново-Николаевский район, Листовский с/совет, с. Листовка, колхоз имени «Тельмана») (ЦДНИ. Ф. 808. Оп.1 Д.19. Л. 3). Сосланный с Кавказа в Акмолинскую область Кайзер Эрн Альбертович в своем письме в отдел НКВД по Семипалатинской области просит разыскать своих родителей сосланных в Семипалатинск (ЦДНИ. Ф. 807. Оп.1 Д.1. Л. 132). Однако немцам, потерявшим родных, должная помощь не оказывалась. Напротив, НКВД ставили таких людей на учет, как склонных к побегу в поисках своих родственников.

Лиза Арнольдовна Готман: «Моя мама Лидия Давидовна Шрайнер родилась в 1933 году в Грузии. В 1941 году после начала войны ее отца, Давида, забрали в трудовую армию, откуда он уже не вернулся. А маленькая Лида с матерью и маленьким братом были депортированы в Казахстан. После смерти матери Лида попала в детский дом в Георгиевке (нынешний Калбатау). Ее младшего брата Карла усыновила казахская семья, стали называть его Кудайберген, но в документах записали под настоящим именем и фамилией, чтобы в дальнейшем его смогли бы найти родственники. Лида искала своего брата, писала в журнал «Қазақстан әйелдері». Но, к сожалению, брат с сестрой так и не смогли встретиться. В 1998 году мы нашли его детей» (Полевые материалы. Информант Готман Л.А.).

Несмотря на лишения, многие депортированные не сдались трудностям их жизни, заняли достойное место в жизни общества. Бедер О.Р.: «После окончания педагогического училища моя мама Екатерина Тимофеевна (отчество Тихоновна она изменила, чтобы ученикам было легче его выговаривать), приехала в Саратовку 18 августа 1960 года. Как в кино, в далекую деревню, с чемоданом книг. Здесь она и встретила с моим отцом. Так как школа была малокомплектная, то ей приходилось быть всем – и бухгалтером, и директором, и завхозом, и завучем, и учителем. Вместе с детьми и их родителями она ставила в Саратовке спектакли, концерты, новогодние праздники, проводила демонстрации.

Отец, будучи колхозником, помогал во всем – заготовить дрова для школы, откидать снег с крыши, так и родились сначала чувства, потом, в 1962 году родилась новая семья, а через год и новый человек – старшая дочь Елена. Они вместе радовались, переживали трудности. Сами построили дом в 1963 году. В 1973 году они переезжают в Георгиевку. На тот момент они были уже богатыми родителями – имели четырех дочек – Елену, Викторию, Элеонору и Лилию. В Георгиевке появляется еще одна дочка – Ольга. Здесь Рейнгольд Яковлевич устраивается на работу в ЛПУ – 14, где работает до его расформирования. Нам с самого детства говорили, что зеленая нашей Георгиевки (так называлось раньше наше село) – дело рук моего отца. И я горжусь этим. После этого он работал в ДЭУ и ДРСУ. К нему всегда приходили люди за помощью, так как знали о его «золотых руках». Многие его так и называли – «дядька Роман – моторист». К сожалению, его больше нет с нами. Но я всегда

буду помнить незабываемые поездки за ягодами, за грибами, отдых на природе.

Екатерина Тимофеевна стала работать в Васильковской начальной школе, была заведующей школы. Проработав полгода, она переводится в детский сад «Росинка», но, будучи все-таки учителем, а не воспитателем, мечтает перевестись в школу. И вот в 1978 году она переводится в среднюю школу имени Маяковского, где работает до ухода на заслуженный отдых. Стаж ее работы в пределах одного РайОНО составляет 31 год. Сейчас Екатерина Тимофеевна на пенсии. Дети, следуя примеру родителей, работают на совесть. Сегодня семья разрослась, снова появились в ней уже знакомые имена, моих дочерей зовут Доминика и София, среди потомков моих сестер есть и Роман и Сабина. Ветви нашей семьи живут не только в Казахстане, но в Германии и в России.

Вот так история огромной страны отразилась на истории моей семьи. И хотя, мои родители испытали на себе немало трудностей, но благодаря этому у нас – большая, дружная, гостеприимная, талантливая семья, которая впитала в себя культуру и традиции множества народов – немецкого, румынского, украинского, русского и казахского. Я горжусь своим государством, «брендом» политики которого является толерантность, межконфессиональное согласие и дружба между народами!!!» (Полевые материалы. Информант Бедер О.Р.)

Представители депортированных на территорию Восточного Казахстана этносов перенесли достаточно как физических, так и моральных лишений. Однако несмотря ни на что, для депортированных народов Казахстан оказался второй родиной, где они выжили, и внесли свой вклад в развитие государства и общества.

Заключение

Большую роль в трансляции историко-культурной памяти играет семья. Устные семейные истории, воспоминания членов семьи, переживших значимые события, являются частью эмоционального наследия семьи и оказывают влияние на стиль воспитания детей, семейный уклад и жизненные установки ее членов. Через них происходит формирование семейной идентичности, а затем и приобщение к историческому прошлому народа в целом (Стефаненко, 2017: 48). Для старшего поколения, пережившего все тяготы депортации, характерно нежелание рассказывать о пережитой трагедии, современники тех событий стараются забыть эти страшные годы. Многие опрошенные признавались, что их родители крайне редко рассказывали о депортации, так как для них это была травмирующая память. Заботясь о детях, пережившие депортацию ограждали их от этих эпизодов семейной и этнической истории, но со временем эмоциональный накал и психологическая напряженность ослабевает, и пережитой трагедией уже можно поделиться. Каждый информант в той или иной степени выстраивает нарратив о депортации через истории их семей. Множество личных семейных историй слились в коллективные представления об исторических событиях, которые принято называть исторической памятью.

Впервые вводимые в статью в научный оборот полевые материалы позволяют дополнить данные архивных документов и научной литературы об особенностях депортационных процессов на территории Восточного Казахстана.

Статья выполнена в рамках реализации проекта «Депортационные процессы на территории Восточного Казахстана и их отражение в исторической памяти (1937-1956 гг.)» Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (IRN 15473239).

Литература

Ананьева С.В. (2016). Историческая память как ведущий концепт современной литературы. Историческая память как источник конструирования казахстанской идентичности. Мат. 4-й г. науч.-практ. конф. Научно-экспертной группы АНК. Алматы. С.11-22

Асанова С.А. (2016). Исторический нарратив как источник формирования идентичности в современном Казахстане. Историческая память как источник конструирования казахстанской идентичности. Мат. 4-й г. науч.-практ. конф. Научно-экспертной группы АНК. Алматы. С. 23-31

Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 328 с.

Атантаева Б.Ж., Камалджанова Т.А. (2020). Депортационная повседневность: источники и материалы (на примере Восточного Казахстана). Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение, No4(133). – С. 42-62. <https://bulhistphaa.enu.kz/index.php/main/issue/view/17>

Бугай Н.Ф. (1995) Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию...": [О депортации народов в СССР в 30-40-е гг.]. М.: Издательство АИРО-XX. 319 с.

Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстан) (2013). Астана. 683 с.

Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. (1998). Алматы: Арыс-Казахстан. 413 с.

Жанбосинова А.С. (2020). Прошу снять с меня незаслуженное клеймо 58-й статьи: эго-документы в истории политического террора в Казахстане. Семей: «Интеллект». 580 с.

Земсков В.Н. (2003). Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. Москва: Наука. 306 с.

Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. (2019). Алматы: LEM. 708 с.

Казбекова А.Т. (2016). Из истории депортации чеченцев (по материалам Восточно-Казахстанской области). Вестник КазНПУ, Серия «Исторические и социально-политические науки», №3 (50), С. 54-58

Некрич А. (1978). Наказанные народы. Нью-Йорк: Издательство «ХРОНИКА». 170 с.

Полевые материалы авторов 2022 г. Информант Асель И., г. Семей

Полевые материалы авторов 2022 г. Информант Бедер О.Р., г. Семей

Полевые материалы 2022 г. Информант Готман Л.А., г. Семей

Полевые материалы авторов 2021 г. Информант Зигле Н.В., с. Борас, Бескарагайский район, область Абай

Полевые материалы авторов 2021 г. Информант Кайель В.П., с. Борас, Бескарагайский район, область Абай

Полян П. (2022). Депортации и этничность. Заметки по еврейской истории, №2-3 [Электронный ресурс] <https://litbook.ru/article/16478/> (дата обращения: 20.12.2022).

Репина Л.П. (2003). Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ. 44 с.

Рикёр П. (2004). Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитар. лит. 728 с.

Сталинские депортации. 1928-1953. М.: МФД: Материк, 2005. – 904 с. – (Россия. XX век. Документы.) https://imwerden.de/pdf/stalinskije_deportatsii_1928-1953_2005_text.pdf (дата обращения: 03.02.2023).

Стефаненко Т. Г., Тумгоева Т. А., Котова М. В. (2017). Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа. Национальный психологический журнал, № 4. С.45-56. doi: 10.11621/npj.2017.0404 // <https://npsyj.ru/articles/article/7260/> (дата обращения: 16.02.2023).

Тетуев А.И. (2012). Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. *Oriental Studies*, 5(3): 33-42. <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-i-strategiya-vyzhivaniya-spetspereselentsev-v-40-50-e-gg-xx-v> (дата обращения: 04.03.2023).

Центр Документации Новейшей истории (ЦДНИ). Ф.807. Оп.1. Д.20. Л.42

ЦДНИ. Ф. 808. Оп.1 Д.19. Л. 3

ЦДНИ. Ф. 807. Оп.1 Д.1. Л. 132

Щеглова Т.К. (2019). Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939-1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений. Мир большого Алтая. Т.5, №2, С. 197–232 [Электронный ресурс]. [https://vku.edu.kz/sites/default/files/files/nauka/%D0%9C%D0%91%D0%90/%D0%9C%D0%91%D0%90%205\(2%20%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80\)2019%20\(2\).pdf](https://vku.edu.kz/sites/default/files/files/nauka/%D0%9C%D0%91%D0%90/%D0%9C%D0%91%D0%90%205(2%20%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80)2019%20(2).pdf) (дата обращения: 10.12.2022).

Conquest R. (1972). *The Soviet Deportation of Nationalities*. London; New York, 1960; Idem. *The Nation Killers*. London.

Paul Ricoeur (2004). *Memory, History, Forgetting*. Chicago:University. of Chicago. 642 p.

References

Anan'eva S.V. (2016). Istoricheskaja pamjat' kak vedushhij koncept sovremennoj literatury. Istoricheskaja pamjat' kak istochnik konstruirovaniya kazahstanskoy identichnosti. [Historical memory as the leading concept of modern literature. Historical memory as a source of constructing Kazakhstan's identity]. Mat. 4th year scientific-practical. conf. Scientific and expert group of the APK. Almaty. pp.11-22 (In Russian)

Asanova S.A. (2016). Istoricheskij narrativ kak istochnik formirovaniya identichnosti v sovremennom Kazahstane [Historical Narrative as a Source of Identity Formation in Modern Kazakhstan]Historical memory as a source of constructing Kazakhstan's identity Mat. 4th year scientific-practical. conf. Scientific and expert group of the APK. Almaty. pp.23-31 (In Russian)

Assman A. (2014). Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M.: New literary review. 328 p. (In Russian)

Atantaeva B.Zh., Kamaldjanova T.A. (2020). Deportacionnaja povsednevnost': istochniki i materialy (na primere Vostochnogo Kazahstana) [Deportation everyday life: sources and materials (on the example of East Kazakhstan)]. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. HISTORICAL SCIENCES. PHILOSOPHY. RELIGION Series. No4(133). – pp. 42-62. <https://bulhistphaa.enu.kz/index.php/main/issue/view/17>

Bugaj N.F. (1995) L. Berija – I. Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniu...": [O deportacii narodov v SSSR v 30-40-e gg.]. [L. Beria – to I. Stalin: "According to your instructions ...": [On the deportation of peoples to the USSR in the 30-40s]. M.: Publishing house AИRO-XX. 319 p. (In Russian)

Deportacija narodov v Kazahstan v 1930-1950 gg.: obshhnost' istorii (interv'ju s posttradavshimi ot deportacij v 1930-50 gody v Kazahstan) (2013) [Deportation of peoples to Kazakhstan in 1930-1950: common history (interviews with victims of deportations in 1930-50 to Kazakhstan)]. Astana. 683 p. (In Russian)

Deportirovannyye v Kazahstan narody: vremya i sud'by (1998) [The peoples deported to Kazakhstan: time and fate]. Almaty: Arys-Kazakhstan. 413 p. (In Russian)

Zhanbosinova A.S. (2020). Proshu snjat' s menja nezasluzhennoe klejmo 58-j stat'i: jego-dokumenty v istorii politicheskogo terrora v Kazahstane [Please remove from me the undeserved stigma of the 58th article: ego-documents in the history of political terror in Kazakhstan]. Semey: "Intellect". 580 p. (In Russian)

Zemskov V.N. (2003). Specposelency v SSSR. 1930-1960. [Special settlers in the USSR. 1930-1960]. Moscow: Nauka. 306 p. (In Russian)

Iz istorii deportacij. Kazahstan. 1939–1945 gg. Sbornik dokumentov. T. 3. (2019) [From the history of deportations. Kazakhstan. 1939–1945]. Almaty: LEM. 708 p. (In Russian)

Kazbekova A.T. (2016). Iz istorii deportacii chechencev (po materialam Vostochno-Kazahstanskoj oblasti) [From the history of deportation of chechen people (according to the materials of East Kazakhstan oblast)]. Abay Kazakh National Pedagogical University BULLETIN. Series «Historical and socio-political sciences». No. 3 (50), pp. 54-58

Nekrich A. (1978). Nakazannyye narody [The punished peoples]. New York: CHRONICLE Publishing. 170 p.

Polevyye materialy avtorov 2022 g. [Authors' field materials]. Informant Asel I. Semey

Polevyye materialy avtorov 2022 g. [Authors' field materials]. Informant Beder O.R. Semey

Polevyye materialy avtorov 2022 g. [Authors' field materials]. Informant Gotman L.A. Semey

Polevyye materialy avtorov 2021 g. [Authors' field materials]. Informant Ziegler N.V., p. Boras, Beskaragai district, Abay region

Polevyye materialy avtorov 2021 g. [Authors' field materials]. Informant Kayel V.P., p. Boras, Beskaragai district, Abay region

Poljan P. (2022). Deportacii i jetnichnost' [Deportations and ethnicity]. Jewish history notes. №2-3 [Electronic resource] <https://litbook.ru/article/16478/> (Accessed 20.12.2022)

Repina L.P. (2003). Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. Moscow: State University Higher School of Economics. 44 p.

Ricoeur P. (2004). Pamjat', istorija, zabvenie [Memory, history, oblivion]. M.: Publishing house of the humanities. lit., 728 p.

Stalinskie deportacii. 1928-1953. (2005) [Stalinist deportations. 1928-1953]. M.: MFD: Mainland. 904 p. https://imwerden.de/pdf/stalinskie_deportacii_1928-1953_2005_text.pdf (Accessed 03.02.2023) (In Russian)

Stefanenko T.G., Tumgoeva T.A., Kotova M.V. (2017). Kul'turnaja pamjat' i social'naja identichnost' ingushej kak predstavitelej repressirovannogo naroda [The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group]. National Psychological Journal. No. 4. pp. 45-56. doi: 10.11621/npj.2017.0404 // <https://npsyj.ru/articles/article/7260/>

Tetuev A.I. (2012). Povsednevnyj zhizn' i strategija vyzhivaniya specposelencev v 40–50-e gg. XX v. [Everyday life and survival strategy of special settlers in the 40-50s of the XX century] Oriental Studies, 5(3): 33-42. <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyj-zhizn-i-strategiya-vyzhivaniya-spetsposelentsev-v-40-50-e-gg-xx-v> (Accessed 04.03.2023).

Centr dokumentacii novejshej istorii (CDNI). F.807. Op.1. D.20. L.42

CDNI. F. 808. Op.1 D.19. L. 3

CDNI. F. 807. Op.1 D.1. L. 132

Shcheglova T.K. (2019). Antropologija jekstremal'nosti: social'naja i kul'turno-bytovaja adaptacija jetnicheskikh deportantov (1939-1949 gody) i primimajushhego sel'skogo obshhestva na juche Zapadnoj Sibiri v kontekste prinuditel'nyh pereselenij [Anthropology of extremality: social and cultural everyday adaptation of the ethnic deportees (the years 1939-1949) and host rural community in the South of Western Siberia in the context of involuntary deportations]. World of the great Altai. V.5, No. 2, pp. 197 – 232 [https://vku.edu.kz/sites/default/files/files/nauka/%D0%9C%D0%91%D0%90/%D0%9C%D0%91%D0%90%205\(2%20%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80\)2019%20\(2\).pdf](https://vku.edu.kz/sites/default/files/files/nauka/%D0%9C%D0%91%D0%90/%D0%9C%D0%91%D0%90%205(2%20%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80)2019%20(2).pdf) (Accessed 10.12.2022).

Conquest R. (1972). The Soviet Deportation of Nationalities. London; New York: Idem. The Nation Killers. London.

Paul Ricoeur (2004). Memory, History, Forgetting. Chicago: University of Chicago. 642 p.